

Это моя работа. Любовь, жизнь и война сквозь объектив фотокамеры

Автор:

[Линси Аддарио](#)

Это моя работа. Любовь, жизнь и война сквозь объектив фотокамеры

Линси Аддарио

Проект TRUESTORY. Книги, которые вдохновляют

Линси Аддарио ? лауреат Пулицеровской премии, стипендии Мак-Артура и одна из немногих женщин, кто не боится работать военным журналистом. Её книга ? это сильная история о женщине, которая рисковала своей жизнью и свободой для того, чтобы показать миру реальную жизнь населения во время войны.

Ее дважды похищали, несколько ее друзей были убиты террористами. Даже беременность не заставила ее бросить свою работу. Своим примером она каждый день доказывала, что женщина может работать военным корреспондентом не хуже мужчины.

Взгляните на мир через объектив фотокамеры Линси и измените свое отношение к привычным вещам.

Линси Аддарио

Это моя работа. Любовь, жизнь и война сквозь объектив фотокамеры

Lynsey Addario

It's What I Do. A Photographer's Life of Love and War

Copyright © 2015 by Lukas, Inc.

© Новикова Т. О., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

«Обязательно к прочтению».

Риз Уизерспун

В 23 года американка Линси Аддарио отправилась на свое первое задание в качестве военного журналиста.

Пока ее сестры выходили замуж и рожали детей, она работала в горячих точках: Афганистане, Пакистане, Иране и на границе с Сирией.

Снимки Аддарио – свидетельства ужасов войны. А ее история доказала, что личное счастье может настичь тебя даже в таком неромантическом месте, как линия фронта.

Ее дважды похищали, друзья были убиты террористами, даже беременность не заставила Линси бросить работу.

«Что движет людьми, которые выбирают своей профессией военную журналистику? Что заставляет их променять спокойную жизнь на тяжелейший физический и психологический труд и ежедневный смертельный риск? Ответ – в книге «Это моя работа». Она о призвании, о выборе, перед которым оказывается человек, твердо решивший не ломать себя в угоду стереотипам, а остаться собой».

Ольга Яковина, главный редактор National Geographic Traveller

Отзывы

Boston Globe:

«Благодаря прекрасному языку и живым кинематографичным фотографиям перед нами раскрывается картина другого мира. Книга отправляет нас вслед за смелой женщиной, которая выбрала опасную, мужскую профессию и преуспела в ней. Аддарио стала свидетелем страданий и боли простых людей, которым она пыталась помочь».

Entertainment Weekly:

«С самого начала эта книга сжимает тебя в кулак и не отпускает до последней страницы. Аддарио освещает все тонкости ее работы: с чем сталкивается женщина-фотограф в условиях войны и как ей приходится доказывать свою компетентность коллегам-мужчинам и американским солдатам. Это невероятная женщина! Несмотря ни на что, она никогда не вешает нос, независимо от того, где находится – на враждебной территории или в обществе политиков».

Los Angeles Times:

«Прекрасно иллюстрированные мемуары. Миссия Аддарио в том, чтобы показать таким людям, как она – тем, кто родился в безопасности и живет в процветании, – какие ужасы существуют в мире, который они могут и не видеть. Это дневник счастливой женщины, которая знает свое призвание и мир вокруг себя».

San Francisco Chronicle:

«Аддарио родилась в семье простого парикмахера, а стала одной из самых востребованных и опытных фотожурналистов в мире. Она знает, как важно показать людям, что происходит вокруг. Она является ярким примером того, как человек, у которого есть все, променял комфорт на свою работу, полную лишений и страданий. Надеемся, она будет продолжать жить полной жизнью, наслаждаться общением с семьей, а мы будем ждать ее новую книгу».

Washington Post:

«Это непередаваемая история. Книга Аддарио, наполненная сценами из ее путешествий, изнутри показывает, с какими трудностями и опасностями каждый день сталкивается журналист в своей работе».

Associated Press:

«Способность Линси поймать кадр – выше всяких похвал! То, как она умеет ориентироваться в сложнейших ситуациях, делает ее несравненной».

Dallas Morning News:

«Это бесценный подарок: прочитать инсайдерский взгляд на личную и профессиональную жизнь военного корреспондента... Это чтение заряжает! Здесь показано, как часто Аддарио рисковала жизнью. Но самое главное в книге – тот факт, что чувства и человечность оказываются сильнее ужасов войны. В книге и снимках Аддарио читатель видит, что в войне нет ни правых, ни

виноватых. Нет черного и белого, а только тысячи оттенков у каждой из сторон».

Посвящается Полу и Лукасу – я люблю вас больше всех на свете

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ О СИЛЬНЫХ ЖЕНЩИНАХ

Первая леди. Тайная жизнь жен президентов

Американская писательница Кейт Андерсен Брауэр собрала в своей книге самые шокирующие и трагичные истории о жизни первых леди – от Жаклин Кеннеди до Мелании Трамп. Она взяла более 200 интервью у членов семей и друзей, а также изучила архивные записи, письма и дневники, чтобы показать все интриги Белого дома.

Предательница. Как я посадила брата за решетку, чтобы спасти семью

В 2013 году Астрид и Соня Холледер решились на немыслимое: они вступили в противостояние со своим братом Виллемом, более известным как «любимый преступник голландцев». Он не простил предательства и в 2016 году отдал приказ убить Астрид и двух других свидетелей обвинения прямо из нидерландской тюрьмы. С этого момента и началась гонка на выживание.

Последняя девушка. История моего плена и моё сражение с «Исламским государством»

15 августа 2014 года жизнь Надии Мурад закончилась. Боевики «Исламского государства» разрушили ее деревню и казнили ее жителей. Мать, отец и шестеро братьев Надии были убиты, а ее саму продали в сексуальное рабство. Однако она совершила невозможное – сбежала. И сейчас, став лауреатом Нобелевской премии мира, желает только одного – быть последней девушкой с такой историей.

Ученица. Предать, чтобы обрести себя

У Тары странная семья. Отец готовится к концу света, мать лечит ожоги и раздробленные кости настойкой лаванды. А сама она знает, как обращаться с винтовкой, но с трудом может читать и писать. Однажды ее жизнь меняется. Втайне от родителей Тара готовится к поступлению в колледж...

Предисловие

Аджабия, Ливия, март 2011

Я стояла возле желтовато-серого цементного здания больницы близ Аджабии в идеальном свете кристально ясного утра. Этот маленький город расположен на северном побережье Ливии, более чем в пятистах милях к востоку от Триполи. Мы с другими журналистами смотрели на машину, разбитую во время утреннего налета. Стекло было выбито, все заднее сиденье в крови и в ошметках человеческой плоти. Пассажирское сиденье забрызгал мозг, осколки черепа впились в крышку бардачка. Больничные работники в белой медицинской форме тщательно собрали останки и упаковали их в мешок. Я взялась за камеру, чтобы снять то, что уже снимала много раз, но потом отступила в сторону, чтобы уступить место другим фотографам. В тот день я не могла этого сделать.

Был март 2011 года, начало «арабской весны». В Тунисе и Египте неожиданно и триумфально произошли революции. Люди свергли диктаторов, которые правили ими много лет. Их охватила настоящая эйфория – миллионы обычных людей пели и танцевали на улицах, наслаждаясь чувством новообретенной

свободы. Ливийцы тоже решили восстать против собственного тирана, Муаммара аль-Каддафи. Он находился у власти более сорока лет, финансируя группы террористов во всем мире, пытая и убивая своих соотечественников. Каддафи был маньяком.

Я не работала в Тунисе и Египте, потому что меня отправили в Афганистан. И очень страдала из-за того, что упускаю столь важный исторический момент. Ливию я пропустить не могла. Впрочем, революция здесь очень быстро превратилась в войну. Знаменитые солдаты-душители Каддафи захватывали восставшие города, а авиация безжалостно бомбила повстанцев. Мы, журналисты, прибыли без бронежилетов. Мы не ожидали, что нам понадобятся каски.

Позвонил мой муж, Пол. В командировках мы стараемся разговаривать хотя бы раз в день, но ливийский мобильник практически не работал, и поговорить нам удалось лишь спустя несколько дней.

– Привет, любовь моя! Как дела?

Пол звонил из Нью-Дели.

– Я устала, – ответила я. – Я разговаривала с Дэвидом Ферстом (это мой редактор из New York Times) и спросила, нельзя ли смениться в течение недели. Сейчас я поеду в отель в Бенгази и постараюсь пересидеть там, пока не удастся уехать. Я готова вернуться домой. – Я старалась говорить так, чтобы голос не дрожал. – Я устала. И у меня дурное предчувствие – мне кажется, что-то случится.

Я не сказала мужу, что последние несколько дней просыпалась, не желая вставать с постели, засиживалась за чашкой с растворимым кофе, пока мои коллеги готовили камеры и грузили сумки в машины. Когда я работала на войне, порой меня охватывала безграничная смелость, а иногда, как сейчас в Ливии, каждое утро становилось кошмаром. Два дня назад я передала большую серию снимков другому фотографу, чтобы он отправил их в мое агентство в случае, если я погибну. Если мне не удастся выжить, то пусть хотя бы моя работа сохранится.

– Ты должна вернуться в Бенгази, – серьезно сказал Пол. – Интуиция никогда тебя не обманывала.

Когда две недели назад я приехала в Бенгази, город только что освободили. Картина была мне знакома – так же выглядел Киркук после Саддама Хусейн и Кандагар после «Талибана». Пылающие дома, пустые тюрьмы, собственное правительство. Все были счастливы. Однажды я снимала мужчин, которые собрались в городе на военную подготовку. Это напоминало скетч Монти Пайтон: ливийцы стояли, выстроившись в ряд, и внимательно слушали инструкторов, маршировали, как солдаты, или в изумлении взирали на груды оружия. Это были самые обычные люди: врачи, инженеры, электрики. Они нашли в своих шкафах зеленую одежду, кожаные куртки, кроссовки, прыгнули на грузовики, загруженные ракетами «Катюша» и минами, и отправились воевать. У некоторых в руках я увидела ржавые «калашниковы», другие были вооружены только охотничьими ножами. У некоторых вообще не было оружия. Когда они по прибрежной дороге направились к Триполи, столице страны, все еще находившейся в руках Каддафи, журналисты попрыгали в свои объемистые четырехдверные седаны и последовали за ними – прямо на линию фронта.

Мы ехали рядом с ними, видели, как они загружают вооружение, и ждали. И вот однажды утром мы увидели в этой местности вертолет. Он пролетел прямо над нашими головами и выпустил пулеметную очередь. Он безжалостно нас расстреливал. Повстанцы принялись стрелять в воздух из «калашниковых». Один парнишка швырнул в вертолет камень, другой, обезумевший от ужаса, бросился за песчаную дюну. Я устроилась за нашей машиной, напоминавшей жестяную банку, и сфотографировала его. Я поняла, что война будет совершенно другой.

Линия фронта проходила вдоль пустынной дороги, окруженной бескрайними песками и уходящей за горизонт. В отличие от войн в Ираке или Афганистане здесь не было бункеров и зданий, где можно было бы спрятаться, не было бронированных машин, которые могли бы послужить хоть какой-то защитой. Когда мы слышали гул военного самолета в Ливии, то просто замирали. Мы останавливались, смотрели вверх и со страхом гадали, куда упадут бомбы и откуда прозвучат пулеметные очереди. Некоторые люди бросались на землю, другие прикрывали головы, кто-то молился, а кто-то бежал – бежал куда глаза глядят, хотя бежать было некуда. Под ослепительно-синим средиземноморским небом мы были совершенно беззащитны.

Я более десяти лет работала военным корреспондентом. Я снимала войну в Афганистане, Ираке, Судане, Демократической Республике Конго и Ливане. Но никогда не испытывала такого ужаса, как в Ливии. Фотограф Роберт Капа однажды сказал: «Если твои фотографии недостаточно хороши, значит, ты не сумел подобраться достаточно близко». Если ты не был достаточно близко в Ливии, то фотографировать было нечего. А когда подбирался достаточно близко, то оказывался на линии огня. На той неделе я видела, как лучшие фотографы мира, ветераны Чечни, Афганистана и Боснии, уезжали после падения первых же бомб. «Это не стоит того», – заявляли они. И порой я тоже так думала. «Это безумие. Что я делаю?!» Но потом наступали другие дни, и я ощущала знакомое возбуждение. «Я присутствую при настоящем народном восстании. Я вижу, как люди идут на смерть ради свободы. Я фиксирую судьбу общества, которое десятилетиями подвергалось угнетению». Пока тебя не ранили, не подстрелили и не похитили, тебе кажется, что ты неуязвим. И прошло уже несколько лет с того времени, когда нечто подобное случилось со мной.

...Журналисты покинули больницу. Я знала, что нужно вернуться на линию фронта. Я слышала звуки войны – разрывы мин и бомб, огонь противоракетных орудий, вой сирен... Мне не хотелось, чтобы это услышал Пол.

– Малыш, мне пора. Вскоре увидимся, любовь моя. Я тебя люблю.

Давным-давно я поняла, как жестоко заставлять близких людей волноваться о тебе. И я говорю им только то, что им нужно знать: где я нахожусь, куда направляюсь и когда вернусь домой.

Вместе с тремя другими именитыми журналистами я отправилась в Ливию по заданию New York Times. Со мной были прекрасный фотограф и близкий друг, с которым я выросла в Коннектикуте, – Тайлер Хикс, лучший репортер по Ближнему Востоку Энтони Шаид и журналист британско-ирландского происхождения Стивен Фаррелл, много лет работавший в горячих точках планеты. За нашими плечами в совокупности было около пятидесяти лет работы в самых ужасных местах. Мы незаконно проникли в страну из Египта вместе с

ордами других журналистов.

Из пригородной больницы мы направились в центр Аджабии, чтобы узнать, что происходит на линии фронта. Энтони и Стив поехали в одной машине, мы с Тайлером и нашим водителем Мохаммедом – в другой. Найти хорошего водителя в Ливии нелегко. Вежливый студент университета Мохаммед – приятное, открытое лицо, широкая щербинка между передними зубами – возил нас туда, куда большинство других водителей отказывались. Он считал эту работу своим вкладом в революцию. У него было много друзей среди повстанцев, и он помогал нам решать, куда направиться и надолго ли. От его советов часто зависела наша судьба, и помощь была бесценна.

По пустой дороге мы ехали в центр города. И тут артиллерийские снаряды стали падать совсем неподалеку. Осколки шрапнели полетели во все стороны. Водитель Энтони и Стива неожиданно остановил машину и стал выбрасывать их вещи на дорогу. Его брат погиб на линии фронта, и он не захотел подвергаться дополнительной опасности. Мохаммед, не задумываясь, выскочил из машины и загрузил вещи моих товарищей в багажник. Энтони и Стив устроились рядом со мной. Мне стало неудобно. В зоне боевых действий журналисты чаще всего путешествуют на двух машинах. Если с одной машиной что-то произойдет – разобьется или будет атакована, пострадают не все участники экспедиции.

Четыре журналиста в одной машине – все равно что четыре повара на одной кухне. У каждого было свое представление о том, что делать. Фотографы и журналисты в зоне боевых действий ведут себя по-разному. Мы ехали дальше и отчаянно спорили об уровне опасности.

Начались бесконечные переговоры о том, кому и что нужно, кто хочет остаться, а кто продолжать путь... Какого количества материалов и фотографий достаточно для того, чтобы сделать качественный репортаж? Мы хотели видеть новые сражения, получать самые свежие новости, вести репортаж до самой последней секунды перед ранением, захватом, смертью... Мы алчны по самой своей природе: мы всегда хотим больше, чем у нас есть. Но постепенно мы сумели прийти к согласию.

Аджабия когда-то была процветающим североафриканским городом, состоявшим из невысоких домов персикового, желтого и коричневого цвета, с толстыми стенами, балконами и яркими вывесками на арабском языке. На улицах почти не было людей. Те, кто бежал от войны, нес свой нехитрый скраб

на голове. В противоположном направлении двигалась бесконечная вереница автомобилей. Все пикапы, грузовики и четырехдверные седаны были забиты под завязку. Задние окна завешены одеялами и одеждой. В грузовиках люди прятались под брезентом. В Аджабии я впервые увидела женщин и детей. В таком консервативном обществе, как ливийское, женщины сидят по домам. На улице они появились только потому, что бежали из города на восток – бомбардировщики летели к городу с запада.

Я подумала, что нам тоже пора уезжать. Грандиозная миграция гражданских лиц из города означает только одно: местные жители понимают, что Аджабия вскоре окажется в руках сторонников Каддафи. Может быть, они уже в городе? Мы отдавали себе отчет, что с нами будет, если люди Каддафи обнаружат на территории повстанцев четырех незаконно въехавших в страну иностранных журналистов. Каддафи публично заявил, что все журналисты на востоке Ливии – шпионы и террористы и при обнаружении их следует убивать или задерживать.

Мы решили вернуться в больницу, чтобы встретиться с другими журналистами и увидеть раненых после последнего боя. Энтони, Стив и Тайлер пошли взять телефон у ливийского доктора и связаться с ним позже, из Бенгази. Им нужно было уточнить количество раненых и погибших. Репортерам были необходимы надежные источники в городе на случай, если власть переменится и мы не сможем вернуться. Я осталась на дороге и продолжала фотографировать бегущих из города ливийцев.

Рядом со мной стоял французский фотограф. Мы были знакомы по Ираку и Афганистану. Он обсуждал дальнейшие планы с журналистами из Франции. Я слышала низкие, серьезные голоса с нотками сарказма – журналисты явно пытались как-то успокоить свои нервы. Французские журналисты славятся своим бесстрашием и безбашенностью. Говорят, что если французский журналист покинул зону боевых действий раньше тебя, значит, ты в полной заднице. Лоран ван дер Стокт – военный корреспондент, славящийся своим поразительным чутьем, дважды раненный пулями и один раз осколком мины, – смотрел на длинную череду машин, направлявшихся на восток из города.

– Мы уезжаем, – сказал он мне. – Пора возвращаться в Бенгази.

Это означало, что они решили покинуть поле боя и направиться в город, расположенный в ста милях и двух часах езды отсюда. Они все оценили. Лоран счел ситуацию слишком опасной и решил, что снимки не стоят риска.

Я с ужасом смотрела, как они грузятся в свои машины, но ничего не сказала. Я не хотела показаться ни трусливым фотографом, ни напуганной девочкой, которая мешает мужчинам выполнять свою работу. Тайлер, Энтони и Стив более десяти лет работали в горячих точках. Они точно знали, что делают. Возможно, в тот день интуиция мне изменила. Мы снова направились назад в Аджабию. Я смотрела в окно и пыталась хоть как-то успокоиться. С мечетей раздались крики муэдзинов, сзывавших верующих на молитву.

Мимо нас проносились машины. Наш автомобиль был единственным едущим в противоположную сторону.

- Ребята, пора уезжать, - сказал Стив, и я почувствовала в нем союзника.

- Да, я тоже так думаю, - пробормотала я.

Я была так благодарна Стиву за поддержку, но Энтони и Тайлер нас не послушались.

Когда мы подъехали к перекрестку, они вылезли, чтобы поговорить с повстанцами. Кто-то совершенно спокойно наблюдал за приближением противника, кто-то носился по улицам, стреляя в воздух. Я не понимала, что делать. Мне не хотелось быть здесь, и я с трудом заставляла себя подносить камеру к глазам. Такое случается даже с самыми опытными фотографами: невозможно заставить себя снимать, фиксировать момент. Страх лишил меня сил, словно физическая травма. А Тайлер чувствовал себя как рыба в воде. Он был сосредоточен и целеустремлен. Я представила, какие снимки он сделает, пока я буду жаться, мяться, бояться, упуская возможности.

И я побежала за ним. В этот момент я услышала знакомый свист пуль. Подняла глаза и увидела, что снайперы Каддафи уже в городе! Мне казалось, что все понимают опасность ситуации, но Энтони спокойно пил чай, разговаривая по-арабски с повстанцами, курил сигарету и жестикулировал, словно болтает с друзьями у бассейна.

Он выглядел старше своих сорока с небольшим – седая борода и пухлый живот старили его. Но глаза сверкали.

Стив же, которого дважды похищали – один раз в Ираке, второй – в Афганистане, выглядел напуганным. Он стоял у нашей машины с Мохаммедом, словно это могло подтолкнуть Тайлера и Энтони поскорее закончить работу. Местные жители кричали:

– Qanas! Qanas! (Снайпер! Снайпер!)

– Надо ехать в Бенгази! – взмолился Мохаммед.

Он тоже был напуган. Ему позвонил брат, чтобы сообщить, что войска Каддафи подходят к городу с запада. Наконец он созвал всех в машину, и мы выехали через восточные ворота города.

По дороге Тайлер попросил Мохаммеда остановиться в последний раз, чтобы снять повстанцев, устанавливающих миномет. Мохаммед неохотно съехал с дороги, и Тайлер выпрыгнул. На самом деле мне знаком такой прилив адреналина – когда ты делаешь то, на что осмелятся немногие. Мохаммед стал звонить брату, чтобы уточнить обстановку. Я чувствовала, что мы перешли границу, оставшись в городе, когда нам советовали уехать. И все же желание побыстрее оказаться в безопасности казалось мне ужасной слабостью, хотя я знала, что коллеги никогда не обвинили бы меня в слабости или непрофессионализме. Я отлично сознавала, что значит быть единственной женщиной в машине.

Рядом с нами остановилась машина.

– Они в городе! Они уже в городе! – крикнули из нее.

– Тайлер! – с искаженным от страха лицом закричал Мохаммед.

– Уезжаем! – крикнул Стив.

Тайлер вскочил в машину, и мы рванули с места.

Накануне вечером мы разговаривали с нашим редактором, Дэвидом, и договорились, что я буду звонить ему в девять часов по нью-йоркскому времени. Я посмотрела на часы и набрала номер. Соединиться не удалось. Я набрала номер еще раз. Ответа не было. Я набирала номер снова и снова, снова и снова, – целиком сосредоточилась на телефоне. Когда же я подняла глаза и посмотрела вперед, то увидела нечто такое, чего не было раньше: машины.

– Думаю, это люди Каддафи, – сказала я.

Тайлер и Энтони помотали головами.

– Не может быть, – пробормотал Тайлер.

Через несколько секунд на горизонте показались небольшие фигуры в оливковой форме. Я оказалась права.

Тайлер тоже это понял.

– Не останавливайся! – крикнул он.

Когда вы приближаетесь к вражескому блокпосту, у вас есть два варианта – и исход обоих целиком зависит от удачи. Можно остановиться и сообщить, что вы – журналисты, надеясь на то, что к вам отнесутся с уважением, как к профессионалам, выполняющим свою работу. Второй вариант – проехать, не останавливаясь, уповая, что огонь не откроют.

– Не останавливайся! Не останавливайся! – кричал Тайлер.

Но Мохаммед затормозил и высунулся из окна.

– Sahafi! – крикнул он солдатам. – Журналисты!

Он открыл дверцу машины и вышел. Солдаты Каддафи окружили его.

– Sahafi!

В мгновение ока дверцы распахнулись, Тайлера, Стива и Энтони вытащили из машины. Я заблокировала свою дверцу и уткнулась лицом в колени. Раздались выстрелы. Подняв голову, я осознала, что осталась в машине одна. Я понимала, что надо выскочить и бежать, но не могла двинуться с места. Я заговорила вслух – так я поступаю, когда внутренний голос оказывается не слишком убедительным:

– Вылезай из машины. Вылезай. Беги!

Не поднимая головы, я выкарабкалась с заднего сиденья. Но, оказавшись на земле, сразу же почувствовала на плече руку солдата. Он тянул меня за руку и вырывал у меня камеры. Чем сильнее он тянул, тем сильнее я сопротивлялась. Вокруг нас свистели пули. Я видела фонтанчики пыли прямо под своими ногами. Повстанцы атаковали блокпост с той стороны, откуда мы только что приехали. Солдат одной рукой вырывал у меня фотоаппараты, а другой наводил на меня автомат.

Мы стояли так десять бесконечных секунд. Краем глаза я заметила, что Тайлер бежит вперед, к одноэтажному бетонному зданию. Все правильно. Нам нужно уйти с линии огня, прежде чем приступить к переговорам с солдатами.

Сбросив пояс с фотопринадлежностями и позволив забрать одну из камер (одновременно я попыталась вытащить карту памяти из второй), я побежала вслед за коллегами. Вокруг царил хаос, и им каким-то образом удалось вырваться. Я выбилась из сил и тут увидела, что Энтони совсем близко.

– Энтони!.. Энтони, помоги мне!

Энтони споткнулся и упал на колени. Когда он обернулся, его обычно спокойное лицо было искажено паникой. Я поняла, что он меня даже не слышит. Все это было настолько несвойственно ему, что я по-настоящему испугалась. Нам нужно было бежать за Тайлером – он бросился вперед и, казалось, вот-вот спасется.

Каким-то чудом нам, всем четверым, удалось добраться до бетонного здания; оно стояло чуть в стороне от дороги, и там можно было укрыться от пуль, которые свистели за нашими спинами. Я увидела ливийскую женщину с младенцем. Они плакали, какой-то солдат пытался их успокоить. На нас он не обращал никакого внимания – все равно нам некуда было бежать.

– Думаю, надо рвать отсюда, – сказал Тайлер.

Мы осторожно выглянули наружу – вокруг простиралась пустыня.

Через несколько секунд в дом вошли пятеро солдат Каддафи. Они наставили на нас автоматы и стали что-то кричать на арабском. В их голосах явственно слышалась агрессия, лица были искажены от ярости. Нам приказали лечь ничком, толкая, чтобы стало понятно. Мы не подчинились, думая, что нас сейчас расстреляют, но потом все же опустились на четвереньки и начали молиться.

Я вжалась лицом в песок. Солдат стянул мне руки за спиной и пнул по ногам, чтобы я раздвинула их. Они кричали на нас и друг на друга, их автоматы были направлены нам в головы. Мы скорчились на земле, ожидая смерти.

Я посмотрела на Энтони, Стива и Тайлера, чтобы убедиться, что мы все еще вместе и живы, и сразу же снова уткнулась лицом в песок.

– Господи, Господи, Господи... Пожалуйста, Господи... Спаси нас!

Я подняла глаза и посмотрела вверх, на дуло автомата – и прямо в глаза солдату. Захотелось взмолиться, чтобы он сохранил мне жизнь, но во рту пересохло, словно вся слюна превратилась в пыль. Я не могла сказать ни слова.

– Пожалуйста, – только и прошептала я. – Пожалуйста...

Я уже ожидала автоматной очереди – и смерти. Я думала о Поле, о моих родителях и сестрах, о бабушках, которым уже за девяносто. Я физически ощущала каждую секунду. Солдаты продолжали переругиваться, их автоматы по-прежнему были направлены на нас.

– Jawaz! – неожиданно крикнул один из них.

Им нужны были наши документы, и мы подчинились. Солдат наклонился и начал обыскивать меня, вытаскивая все, что было в карманах моей куртки: BlackBerry, карты памяти, какие-то бумажки и счета. Руки его двигались быстро. Он не заметил моего второго паспорта, который вместе с деньгами был спрятан в специальном поясе джинсов. И тут он дотянулся до моей груди. И остановился. А

потом сжал мою грудь, как ребенок сжимает резиновый мячик.

– Пожалуйста, Господи, – взмолилась я, сжимаясь в клубок. – Только не изнасилование!

Но солдата увлекло нечто другое. Он снял с меня мои серые кроссовки с ярко-желтыми подошвами. Я услышала звук расшнуровываемых шнурков, потом ощутила холодок на ступнях. Солдат связал мне щиколотки и куском ткани перетянул запястья за спиной – так сильно, что они онемели. А потом он ткнул меня лицом в песок.

Увижу ли я родителей? Увижу ли Пола? Как я могла так с ними поступить? Достану ли я свои камеры? Как я здесь оказалась?

Солдаты подняли меня и потащили куда-то в сторону.

В тот день в Ливии я задавала себе вопросы, которые я задаю себе и сегодня. Почему я занимаюсь этой работой? Почему я рискую собственной жизнью ради фотографий?

Даже после десяти лет работы военным корреспондентом ответить на эти вопросы нелегко. С таким призванием рождаются немногие. Его открываешь в себе случайно, постепенно. Все мы попробовали такую необычную жизнь и такую удивительную профессию – и захотели продолжать дальше. И неважно, что это тяжело, мучительно и даже опасно. Да, мы так зарабатываем на жизнь, но работа эта для нас – скорее добровольная ответственность. Она делает нас счастливыми, потому что мы понимаем смысл своей жизни. Мы – свидетели истории. Мы влияем на политику. Но за это приходится платить высокую цену. Когда журналиста убивают в перестрелке, когда он наступает на противопехотную мину и лишается ног, когда его друзья и родные сходят с ума от беспокойства, потому что его похитили, я всегда спрашиваю себя, почему выбрала для себя такую жизнь.

Я не представляла, что буду военным корреспондентом. Мне хотелось путешествовать, изучать мир за пределами Соединенных Штатов. И камера

стала моим верным и надежным спутником. Она открыла мне новые миры и позволила увидеть людей в самые интимные моменты их жизни. Мне посчастливилось наблюдать жизнь со всех сторон. Каждый день я с восторгом узнавала что-то новое. Когда я бралась за камеру, то понимала, что это единственное, чем хочу заниматься.

В двадцать два года в Аргентине я узнала, что мое хобби может принести деньги – сначала 10 долларов за снимок. А когда начала работать, карьера фотожурналиста перестала казаться недостижимой мечтой. Вопрос заключался в том, как продвинуться в мире, где царит жестокая конкуренция. Я стала стрингером агентства Associated Press в Нью-Йорке. Набравшись опыта, я решила на более рискованные задания и начала путешествовать – сначала на Кубу, потом в Индию, Афганистан, Мехико. Я вполне комфортно чувствовала себя в таких местах, которые другие люди считают опасными. Чем больше я видела, тем смелее и любопытнее становилась.

Я была еще начинающим репортером, когда события 11 сентября изменили мир навсегда. Вместе с сотнями других журналистов я стала свидетелем вторжения в Афганистан. Многие из нас впервые участвовали в истории мира – вместе с нашей армией и нашими бомбами. Война против террора породила новое поколение военных журналистов. И чем более несправедливыми становились войны, тем сильнее была преданность своему делу. Мы должны были показать миру правду, и ощущение высокой миссии захватывало нас целиком и полностью. На линии фронта мы становились семьей. Мы были свидетелями романов, браков, разводов и смертей друг друга. Сейчас, когда военные действия в Ираке и Афганистане почти прекратились, мы чаще всего встречаемся на свадьбах и похоронах.

Когда я только начинала работать, то стремилась освещать самые значительные события, но со временем мои предпочтения изменились. Я видела фотографии в газетах, журналах и Интернете, и сердце мое разрывалось от боли. Лагерь беженцев в Дарфуре, женщины в Демократической Республике Конго, раненые ветераны... Меня охватывала непередаваемая тоска – и это беспокойство звало меня в путь. Работа придавала жизни смысл. Я могла две недели фотографировать в Уганде женщин, умирающих от рака груди, а в самолете по дороге домой планировать следующую поездку, к маоистским повстанцам в джунглях Индии. Вернувшись домой, в Лондон, к мужу и сыну, я принялась за обработку восьми тысяч снимков, сделанных в Уганде, прерываясь только для того, чтобы погулять с Лукасом в парке и, возможно, обсудить с редактором

очередную поездку на юг Турции. Когда люди спрашивают меня, почему я езжу в такие места, они задают неправильный вопрос. Главная проблема для меня заключается не в том, ехать или не ехать в Египет, Ирак или Афганистан. Проблема в том, что я не могу оказаться в двух местах одновременно.

Вместе с тысячами людей, которых я фотографировала, я делила радость жизни, смелость сопротивления угнетению, скорбь утраты, стойкость сопротивляющихся, жестокость худших из людей и нежность лучших. Я много лет поддерживаю отношения с местными жителями, которые помогали мне устраивать встречи и объясняли тонкости чужой культуры. Переводчик, с которым я тринадцать лет назад работала в Афганистане, может неожиданно появиться на совещании в Организации Объединенных Наций. Это такие же мои друзья, как и все остальные. И когда в их странах происходят новые трагедии, я сразу же хочу узнать, как течет их жизнь. Они часто пишут мне: «Вы приедете, мисс Линси?»

Конечно, эта работа очень опасна. Мне пока что везет. Меня дважды похищали. Я попадала в тяжелую автомобильную аварию. Два мои водителя погибли во время нашей совместной работы – две трагедии, в которых я буду всегда винить себя. Я пропустила рождение племянников, свадьбы друзей, похороны близких людей. Я бросила бесчисленное множество бойфрендов, и еще больше мужчин бросили меня. Я на годы отложила брак и рождение детей. Но я здорова. В моей жизни сложились замечательные, теплые отношения. Я даже нашла мужа, который принял меня такой, какова я есть. Как и многие женщины, выйдя замуж, я столкнулась со сложным выбором. Я пыталась найти хоть какой-то баланс между ролью матери и работой фотожурналиста.

Но я верю и всегда верила в то, что если буду напряженно трудиться и дарить свою любовь своим близким, то смогу создать гармоничную жизнь и насладиться ею в полной мере. Фотография сформировала мое отношение к миру. Она научила меня не сосредоточиваться на себе, а смотреть на окружающий мир. Она научила ценить жизнь, к которой я возвращаюсь, откладывая фотоаппарат. Работа помогла мне больше любить свою семью и чаще смеяться вместе с друзьями.

Порой, говоря о своей профессии, журналисты становятся высокопарными. Некоторые из нас жить не могут без адреналина, другие – эскаписты по природе. У некоторых в личной жизни царит полный хаос, и это причиняет боль тем, кто любит их больше всех. Такая работа может уничтожить человека. Я

видела многих друзей и коллег, которые стали просто неузнаваемыми: они стали раздражительными, потеряли сон, отдалились от друзей. Но, увидев столько страданий этого мира, нам трудно поверить в то, что счастливые, свободные и процветающие люди рядом с нами тоже могут страдать. Нам комфортнее в самых мрачных уголках мира, чем в собственных домах, где жизнь кажется слишком простой и легкой. Мы не слушаемся внутреннего голоса, который твердит, что надо прекратить снимать жизнь других людей и начать строить собственную.

Но есть нечто такое, что поддерживает и сплачивает нас: привилегия видеть то, чего не видят другие; идеалистическая вера, что фотография может повлиять на души людей; восторг от создания произведений искусства и внесения своего вклада в мировую базу знаний. Когда я возвращаюсь домой и начинаю рационально оценивать пережитый риск, сделать выбор трудно. Но когда делаю свою работу, то живу полной жизнью. Я – это я. Это моя работа. Наверняка в мире есть другие варианты счастья, но это – мой.

Часть первая

Открытие мира

Коннектикут, Нью-Йорк, Аргентина, Куба, Индия, Афганистан

1. Нью-Йорк не дает второго шанса

...Моя старшая сестра Лорен любит рассказывать про меня историю. Как-то летним днем вся наша семья собралась в бассейне. Мне было всего полтора года, плавать я не умела, поэтому просто стояла на плечах у отца, а старшие сестры и мама плескались рядом с нами. Неожиданно, не говоря ни слова, я согнула колени и прыгнула в воду. Сестры застыли в ужасе. А папа сказал, что отпустил меня, потому что знал, что со мной все будет в порядке. Из воды я выбралась с широкой улыбкой...

Дом нашей семьи в Вестпорте, штат Коннектикут, был настоящим калейдоскопом трансвеститов и странных людей в стиле Гринвич-Виллидж. В гостях у нас всегда были люди, которых немногие пригласили бы к себе. Мои родители, Филипп и Камилла, держали модный салон красоты Phillip Coiffures и часто приглашали своих работников, клиентов и друзей. Бывшая их сотрудница, Безумная Роза, страдала маниакально-депрессивным психозом. Большую часть времени она непрерывно курила и несла какую-то чушь. Мексиканец Вето, открытый гей – большая редкость в конце 70-х годов, сочинял песенки для моих сестер, а потом играл их на рояле в гостиной. Когда мы с сестрами возвращались из школы, нас часто встречал Фрэнк – мы звали его Тетушкой Дакс, потому что он ходил в женской одежде и с гордостью носил боа из перьев.

Летом родители пригласили двух диджеев с Лонг-Айленда, чтобы те крутили нам записи Донны Саммер и Vee Gees. Вокруг бассейна постоянно стояли закуски, «Кровавая Мэри» и бутылки с вином. Метаквалон, марихуана и кокаин считались в порядке вещей. А хмурый дядя Фил иногда надевал свадебное платье, чтобы разыграть церемонию на лужайке. Никто не собирался уезжать. И это никогда не казалось мне странным – так был устроен наш дом.

Нас было четыре сестры – Лорен, Лайза, Лесли и я. Разница в возрасте между каждой была два-три года. Я была младшей, и обо мне заботилась наша обожаемая няня-ямайка Дафна. Она всегда защищала меня, когда Лайза и Лесли пытались меня побить или приклеивали мне к носу бумажки. Наш дом был суматошным и веселым. Обычно по двору бегали 10-15 девочек-подростков. Вредная еда никогда не переводилась на кухне. То и дело кто-то плюхался в бассейн, а мокрые полотенца и купальники валялись повсюду. Вся улица слышала наш визг, когда мы носились по лужайке в купальниках, натирали друг друга маслом для загара и катались с большой голубой горки.

Мои родители были людьми счастливыми и веселыми. Я никогда не слышала, чтобы они повышали голос, особенно друг на друга. Высокий, широкоплечий отец всегда называл маму «куколкой». А она вечно с кем-то дружила и брала под свое покровительство. Мы и шагу не могли сделать по главной улице Вестпорта, чтобы кто-нибудь из ее клиентов не останавливал нас, глядя нам прямо в глаза, словно мы должны были знать, кто эти люди.

– Вы так выросли, – говорили они и указывали на собственные колени. – Мы видели вас, когда вы были вот такими...

По рассказам мамы, весь Вестпорт наблюдал за моим взрослением. Каждый день кто-нибудь говорил мне, какая за-а-а-амечательная у меня мама.

Отец был спокойным интровертом. Но если его удавалось разговорить, он мог часами разговаривать с одним человеком. Большую часть времени он проводил в своем розовом саду – сто кустов, более двадцати пяти сортов! – или в оранжерее, где росли папоротники, стрелиции, жасмин, камелии, гардении и орхидеи. Когда мне нужно было его найти, я шла по длинному шлангу к лужам, собиравшимся в желобах кирпичного пола оранжереи.

Я никогда не понимала, сколько труда требуют его цветы, потому что рядом с ними он был так счастлив. В салоне он работал десять часов, а перед этим несколько часов проводил в оранжерее, ухаживая за растениями, словно каждое из них было маленьким ребенком. Наблюдая за ним, я пыталась понять, чем они привлекают его. Он водил меня между гигантскими кадками и горшками и показывал миниатюрное мандариновое деревце, усыпанное плодами, или орхидею, выросшую из заказанных в Азии и Южной Америке саженцев. Орхидеи росли на кусках коры, словно в родных джунглях.

– Это *Strelitzia reginae*, или райская птица, – говорил папа. – А это *Gelsemium sempervirens*, каролинский жасмин... А вот это орхидея-башмачок, *Paphiopedilum fairrieanum*.

Названия были длинными и непонятными – бесконечный поток гласных и согласных. Меня поражало то, что папа знает такие удивительные вещи. И мне было интересно, почему тяжелая работа доставляет ему такую загадочную радость.

27 сентября 1982 года, когда мне было восемь лет, мама усадила нас с сестрами в машину, привезла на стоянку перед салоном и выключила двигатель. Наверное, она выбрала эту парковку, потому что салон был ее вторым домом и нейтральной территорией для нее и отца.

– Ваш отец уехал в Нью-Йорк с Брюсом, – сказала она. – Он не вернется.

Отец ушел.

Управляющий отделом дизайна в универмаге Bloomingdale's Брюс был одним из множества мужчин, обитавших в нашем доме. Как-то днем мама отправилась в магазин, чтобы подыскать жалюзи для отцовской оранжереи. Брюс привез ее домой в своем двухместном «Мерседесе», чтобы посмотреть фронт работ. И оказался в типичной атмосфере дома Аддарио: на плите кипели несколько кастрюль с едой, по комнатам бродили родные и друзья, все болтали и громко смеялись. Он сразу же почувствовал теплоту нашего дома.

– О боже! – воскликнул он. – Какой прекрасный дом!

Брюс вырос в очень холодной семье в городе Терр-От, Индиана, и дух итальянского товарищества, царящий у нас, сразу же его очаровал. Он был харизматичным, талантливым, очень ярким человеком. Они с мамой сразу же стали друзьями. Они вместе ходили за покупками и общались так, словно отца и не было. Родители отправили Брюса в школу парикмахеров, чтобы он стал колористом, и выделили ему комнату в нашем доме, когда ему не захотелось возвращаться в свою квартиру в Нью-Йорке. Четыре года Брюс был членом нашей семьи.

И только в 1978 году отец начал обманывать маму с Брюсом. Роман длился несколько лет, прежде чем папа смог признаться себе в том, что влюблен. Мой отец подавлял свою гомосексуальность с подросткового возраста. Его мать Нина прибыла на остров Эллис в 1921 году с тысячами других итальянских иммигрантов. С собой они привезли свои предубеждения и консервативные католические взгляды. В 50-е и 60-е годы гомосексуальность считалась психическим заболеванием и находилась вне закона. Отец думал, что моя мама отправит его в психушку, если он признается ей во всем. Когда же он набрался смелости и сказал, что влюблен в Брюса, она спросила:

– Разве ты не можешь поверить в то, что это нормально?

Я была слишком мала, чтобы понять, почему от нас ушел отец. Это нам предстояло узнать самим или в школе. Мы слышали, как другие дети шептались в коридорах: «Этот парикмахер... он гей... их отец гей». Не помню, чтобы

женщины в нашей семье хоть когда-нибудь говорили о его гомосексуальности. Кажется, мы говорили только о жизни других людей.

По выходным мы навещали папу и Брюса в их новом доме, расположенном в полумиле от нашего, на берегу моря. Лорен, старшая из нас, особенно остро ощущала отцовское предательство. Через два года она окончила школу и уехала учиться в Англию. Лайза, Лесли и я стали по-настоящему близки. За следующие пятнадцать лет отец практически исчез из нашей повседневной жизни. Самые важные события моей жизни происходили без него.

Пустоту заполнила мама. В перерывах между приемом клиентов она приходила на все мои спортивные соревнования, восхищалась отличными оценками и давала советы, когда у меня начался первый роман. Она была очень стойким человеком – эту черту она унаследовала у собственной матери, Нонни, которая в одиночку вырастила пятерых детей. Мама старалась быть сильной и не злиться на отца. Она постоянно повторяла мантру, которой научила и нас всех: «Делай то, что делает тебя счастливым, и ты добьешься успеха в жизни». Похоже, так она избавлялась от одолевавших ее негативных чувств. Она старалась делать вид, что ничего не произошло. Думаю, что такое отношение мамы к их разрыву и мое детство, проведенное рядом с изгоями общества, помогли мне понять, что отец нашел счастье, которого заслуживал. Меня утешало то, что папа бросил маму ради мужчины, а не ради другой женщины.

Веселье по выходным ушло в прошлое. Отец продолжал работать вместе с мамой, оказывая ей моральную и финансовую поддержку, но напряженность подобной ситуации оказалась невыносимой для всех. Через шесть лет папа вместе с Брюсом открыл собственный салон. Большая часть стилистов и клиентов ушли от мамы к нему. Мама изо всех сил боролась за то, чтобы сохранить салон. Она никогда не умела зарабатывать и без отца больше не могла поддерживать прежний образ жизни. Первой жертвой пал двухместный «Мерседес». Мама не могла оплачивать счета за дом и машину. Почти каждый месяц у нас отключали то электричество, то воду, а однажды среди ночи приехал судебный пристав, чтобы арестовать нашу машину. Каждое утро я первым делом выглядывала из окна, чтобы проверить, стоит ли машина перед домом.

Мы бросили дом на Норт-Ридж-Роуд, с которым было связано столько воспоминаний, и перебрались в дом попроще, расположенный в нескольких милях оттуда. Бассейна там не было, да и двор оказался поменьше. Все мои сестры стали жить собственной жизнью, и мы с мамой остались одни.

Когда мне исполнилось тринадцать, отец вручил мне первый фотоаппарат. Это был Nikon FG, подаренный ему клиентом. Все произошло случайно: я заметила камеру, спросила, и он тут же отдал ее мне. Волшебство камеры заворожило меня. Мне было интересно, как можно остановить мгновение. Я училась фотографировать по старому руководству «Как делать черно-белые фотографии», на обложке которого красовалась фотография из Йосемитского национального парка, сделанная Анселем Адамсом. Без штатива, запасшись катушками черно-белой пленки, я сидела на крыше и пыталась снять луну с длинной экспозицией. Фотографировать людей я стеснялась, поэтому направляла свою камеру на цветы, кладбища, безлюдные пейзажи. Однажды мамина подруга, профессиональный фотограф, пригласила меня в свою лабораторию и научила проявлять пленку и печатать фотографии. Я с восхищением следила за тем, как натюрморты с тюльпанами и надгробиями проявляются на бумаге. Это было настоящее волшебство.

Поступив в университет Висконсин-Мэдисон, я фотографировала как одержимая. В качестве специализации я выбрала международные отношения и никогда не думала о карьере фотографа. Фотографов я считала богатенькими детками без амбиций и не хотела уподобляться им.

Следующий год я провела за границей – изучала экономику и политологию в университете Болоньи. Избавившись от академического и социального прессинга Висконсина, я занялась уличной фотографией. Между лекциями снимала арки и древние крыши Болоньи своим Nikon. Во время каникул мы с моими новыми друзьями путешествовали по всему континенту, фотографируя красные крыши Праги и нудистские термальные бани Будапешта, побережье Испании и многолюдные улицы Сицилии. Архитектура и искусство, о которых я читала всю жизнь, просто очаровывали. Я ходила по музеям и фотовыставкам. Я побывала на ретроспективе Роберта Мэплторпа, где были собраны фотографии с самого начала его карьеры и до смерти. Я часами изучала его композицию и использование света. Фотография увлекала меня все больше и больше.

И чем больше стран я посещала, тем сильнее меня тянуло в новые. Я могла проснуться утром и отправиться практически в любое место. Передвигаться

между странами Европы легко на поезде. Единственной помехой были мои собственные запреты или страхи. Подобная роскошь – путешествовать без особых усилий мне, американке, выросшей на изолированном континенте, была незнакома. Но я представляла жизнь за границей – в качестве дипломата или, может быть, переводчика.

Однажды, когда я вышла из лаборатории с пачкой своих фотографий, ко мне подошел итальянец и попросил разрешения взглянуть. Перебрав все, он предложил сделать серию открыток. Я была так счастлива, что тут же отдала ему всю пачку, не подписав контракта. Открытки продавались в Римини – это итальянский курорт близ Болоньи, – но я не получила ни цента. Тогда я впервые поняла, что фотографии можно публиковать, чтобы их увидели сотни людей, а то и больше.

Окончив колледж, я на лето приехала в Нью-Йорк. Вечерами работала официанткой в ресторане «Попполини» в Гринвич-Виллидж, а днем училась у фотографа моды, делавшего снимки для каталогов. Работу для каталогов я ненавидела – она была слишком предсказуемой. Поэтому, скопив 4000 долларов, я полетела в Буэнос-Айрес – учить испанский язык и путешествовать по Южной Америке, так же как по Европе. Фотография делала мои поездки осмысленными.

Я сняла комнату у высокомерного аргентинца лет тридцати. Большую часть времени он проводил смотрясь в зеркало, прихорашиваясь для вечеринок или отсыпаясь с похмелья. Чтобы заработать на жизнь, я стала преподавать английский язык в фирме Andersen Consulting за 18 долларов в час. Вечера у меня были свободны, и я могла бродить по улочкам города, фотографируя танцоров танго в узких переулках или стариков в прокуренных кафе. Я часто засиживалась на площади Майо, где каждый четверг проходили марши протеста аргентинских матерей, которые потеряли своих детей во время «грязной войны».

Когда я начинала фотографировать матерей, то еще не знала, что делает фотографию по-настоящему сильной. Я знала, что говорят мне эти лица, но не понимала, как передать испытываемые мной ощущения. Каждый четверг я приходила на площадь, неудовлетворенная снимками, сделанными неделю назад. Я чувствовала, что слишком далека от этих женщин, поэтому подбиралась ближе, когда они кружили по площади. Я пыталась поймать в видоискатель их боль и бесконечную печаль. Иногда снимки портили темные тени на лицах – женщины оказывались в неудобном месте относительно солнца.

Иногда мне было просто неудобно подойти к ним достаточно близко. А иногда я упускала идеальный момент, не доверившись своим инстинктам. Меня никто не учил, но я училась сама, просматривая фотографии в книгах и газетах. Я хотела понять, как хорошие снимки делают надоевшую старую историю снова живой. И продолжала работать.

Через месяц ко мне приехал бойфренд Мигель – писатель, который был на десять лет старше меня. Мы сняли комнату за 500 долларов в месяц. Плата была скромной – скромным оказалось и жилище. В ванную нужно было идти через бетонный двор. Когда зимой полил холодный дождь, нам приходилось выбегать из теплой спальни на вечерний холод, спускаться по мокрым ступенькам и заворачивать за угол, чтобы попасть в крохотный туалет. В те дни я почти перестала пить воду.

Каждые несколько недель я отправлялась путешествовать по Латинской Америке и фотографировать. Из приморских деревушек Уругвая я ехала в дом Пабло Неруды на побережье Чили, а потом направлялась в Мачу-Пикчу в Перу. Я фотографировала вулканы, горы, озера, плюшевые зеленые поля, горные городки, ярмарки ремесел, рыбные рынки. Я совершала долгие автобусные поездки по головокружительным горным серпантинам, вдоль которых выстроились кресты на местах гибели людей. Я искала идеальный свет на рассвете и закате. Цель моя была проста: путешествовать и фотографировать все, что мне попадалось, с тем малым, что у меня было.

Мигель только что получил магистерскую степень в журналистике. Мы оба были любознательны, и нам было интересно, что происходит в мире. Это нас и объединяло. Но Мигель был очень закрытым человеком. Во мне он разглядел экстраверта, человека, который любит общаться с другими и задавать вопросы. И он предложил мне пойти в местную англоязычную газету Buenos Aires Herald поискать работу фотожурналиста-фрилансера. У меня не было опыта работы в газете, но я была уверена, что работу мне дадут – я же такая упорная.

В свой первый приход я обратилась к двум редакторам фотоотдела. Мужчины средних лет, они целый день курили сигареты, просматривая фотографии на ленте AP. Мне было велено прийти потом, когда я научусь говорить по-испански. Я считала, что говорю достаточно хорошо, но все же ушла, взялась за учебники и вернулась в редакцию через несколько недель.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.me/addario_linsi/eto-moya-rabota-lyubov-zhizn-i-voyna-skvoz-ob-ektiv-fotokamery

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)